

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Васильев Л. М. Семантика русского глагола. — М.: Высшая школа, 1981. 184 с.

Рецензируемая книга Л. М. Васильева отличается от многих семантических исследований прежде всего тем, что изучаемый языковой материал представлен здесь не ограниченным числом единиц, групп, классов, а цельным массивом лексики, извлеченной из семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» и четырехтомного «Словаря русского языка» АН СССР. «Семантика русского глагола» Л. М. Васильева — итог многолетних и неоднократно апробированных разысканий ученого, конечной целью которых, как можно думать, является полное описание глагольных лексем русского языка. В рецензируемой публикации Л. М. Васильев обобщает свои наблюдения над десятью классами русского глагола, представляющими обширное и весьма сложное по своей структуре семантическое поле психической деятельности человека.

Вводя читателя в круг исследуемой проблематики (с. 4—15), автор подчеркивает непреходящую значимость семиологических идей традиционного отечественного и зарубежного языкознания. Называя современное языкознание структурной (системной) лингвистикой — отметим существование заключенного в скобки уточнения, — автор присоединяется к точке зрения Ф. П. Филина и не считает правомерным противопоставлять структурную и традиционную лингвистику и соответственно — структурную и традиционную семантику.

В теоретической части рецензируемой книги (с. 15—42) дается краткая характеристика идей и понятий современной лингвистической семантики, рассматриваются принципы классификации глагольной лексики. Языковое значение (семему), основную единицу семантики, автор определяет как психологическую сущность, что, как известно, соответствует ленинской теории отражения. Типы значений (семем) характеризуются их функциями и их структурой. В плане выражения различаются эксплицитные и имплицитные компоненты значения, последние «выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах, через лексико-семантические оппозиции и через контекст» (с. 22). По типу отношений компоненты значения могут быть синтагматическими и парадигматическими, а по характеру отношений выделяются доминирующие и зависимые компоненты. По своей функции компоненты значения подразделяются на

идентифицирующие и дифференцирующие, при этом в разных семантических парадигмах один и тот же компонент может иметь разные функции. Так, компонент «быстро» является дифференцирующим по отношению к *говорить* — *разговаривать* — *происносить* — *тараторить* — *мямлить* и идентифицирующим по отношению к *тараторить* — *мчаться* — *нестись*.

Вторым по важности (после семемы) автор считает понятие семантической синтагмы. Будучи основными единицами семантической системы языка, «и значения (семемы), и семантические синтагмы связаны друг с другом более или менее регулярными семантическими оппозициями по тем или иным их структурным компонентам» (с. 31—32).

Оппозитивный метод служит теоретическим основанием как семантической классификации, так и конкретного анализа языкового материала исследования, однако характеристика оппозиций дана в книге лишь в самом общем виде, без должной детализации, без систематизации тех типов отношений (оппозиции по семам каузативности — некаузативности, бытийности — становления, целенаправленности — нецеленаправленности, результативности — нерезультативности и др.), которые последовательно рассматриваются при описании состава и границ глагольных классов.

Объектом своего исследования Л. М. Васильев считает не только собственно глагольные лексемы, но и их функциональные эквиваленты: сочетания типа *принимать участие в чем-л.*, *обращать внимание на что-л.* и т. п., фразеологические сращения и единства типа *стереть очки кому-л.*, *набить руку на чем-л.* и т. п., глагольные перифразы типа *становиться лагузом*, *лишаться слуга* и т. п. Это решение ученого является вполне обоснованным и, на наш взгляд, единственно правильным. Без функциональных эквивалентов невозможно было бы дать адекватное описание семантических парадигм, групп, классов, неизбежны были бы лакуны, обуславливающие искаженное или даже превратное представление о системных отношениях лексических единиц.

Характеристика глаголов психической деятельности дается в соответствии с числом выделенных классов в десяти различных по объему параграфах (с. 43—168). Систематизируя громадный и, под-

черкнем, практически неадаптируемый материал толковых словарей, автор последовательно стремится провести четкие границы анализируемых глагольных классов и вместе с тем показать смысловую и структурную скрепленность семантического поля глаголов психической деятельности. Степень близости между выделенными классами различна. Наиболее тесные отношения отмечаются между семью классами, связанными с областью чувств [глаголы ощущения, глаголы желания, глаголы восприятия, глаголы внимания, глаголы психического (эмоционального) состояния, глаголы эмоционального переживания, глаголы эмоционального отношения], и тремя последними, связанными с областью мысли (глаголы мышления, глаголы знания, глаголы памяти).

Принципы и приемы описания глагольной лексики целесообразно рассмотреть на примере характеристики первых трех классов.

Глаголы ощущения, обозначающие отражение в сознании биологически обусловленных сигналов о внутреннем состоянии организма, подразделяются автором на целый ряд групп и подгрупп. В составе семантических парадигм с исходными глаголами *ощущать*, *болеть*, *аудеть*, *мерзнуть* и др. единицы класса противопоставлены друг другу по семиам бытийности — становления (*болеть* — *разбаливаться*), некаузативности — каузативности (*мерзнуть* — *морозить*) и др. Однако эти оппозиции не являются регулярными. Автор обнаруживает примечательное явление: в русском языке нет глаголов со значением становления ощущения, но много глаголов со значением «терять на время чувствительность» (*неметь*, *онемевать*, *цепенеть*, *оцепеневать*, *каменеть*, *коستنеть*, *окостеневать*, *коченеть*, *мертветь*, *отекаеть*, *затекаеть*, *деревенеть*, *застывають*, *леденеть* и др.).

Семантическая взаимосвязанность глаголов ощущения и глаголов желания проявляется в том, что они «могут быть истолкованы посредством родового по отношению к ним слова *ощущать*: *болеть* — «ощущать боль», *хотеть* — «ощущать внутреннюю потребность в чем-л.» и т. д.» (с. 52). Однако в отличие от первых, — отмечает автор, — глаголы желания (*хотеть*, *желать*, *иметь охоту* и др.) содержат в своей семантике сему посевственности. Есть и другие отличия: глаголы желания сочетаются с инфинитивом, для них продуктивен лишь усиительный префикс *раз-* (*раз-*): *разозлиться*, *разозлится* и т. д.

Класс глаголов восприятия подразделяется на пять подклассов: глаголы с общим значением восприятия, глаголы слухового восприятия, глаголы обоняния и глаголы осязания. Глаголы первого подкласса, будучи нейтральными к оппозиции по конкретным орудийным семиам восприятия, могут употребляться вместо глаголов остальных подклассов (*воспринимать*, *замечать* — предметы, звуки, запахи, вкус). Глаголы восприятия тесно примыкают к глаголам внимания (четвертый класс). Однако, как ост-

роумно показывает автор, это семантическое сближение, сигнализируемое наречием *внимательно*, отмечается лишь у глаголов целенаправленного активного восприятия: можно *внимательно наблюдать*, *следить*, *слушать*, *смотреть* и т. д., но нельзя *внимательно чувствовать*, *замечать*, *видеть*, *слышать*, *мыслить* и т. д.

В общих выводах работы (с. 168—184) сформулированы теоретические положения, убедительно подтверждающиеся наблюдениями автора над изученным семантическим полем глагольной лексики и дающие новое освещение смежным языковым явлениям. Системные отношения глаголов психической деятельности, — заключает автор, — скрепляются эквиополентными оппозициями по разнообразным семантическим признакам. Необходимо, однако, иметь в виду, что эти оппозиции охватывают, как правило, не весь словарный состав класса, кроме того, лишь две из них (оппозиции по семиам положительной — отрицательной модальности и каузативности — некаузативности) представлены в десяти классах, одна (оппозиция по семиам бытийности — становления) отмечается в девяти классах, другие оппозиции свойственны обычно четырем-пяти классам. Это означает, что оппозитивный метод, будучи надежным инструментом семантического анализа, обнаруживает не только системность, но и асимметричность, нерегулярность лексических отношений.

Уделяя большое внимание формальным свойствам глаголов психической деятельности, Л. М. Васильев приходит к выводу о том, что они крайне неоднородны и только в своей совокупности, включающей связи и отношения с глагольными перифразами, могут служить показателем существенных семантических различий между глаголами. Так, например, глаголы эмоционального состояния синонимически могут замещаться тремя перифразами: а) *быть в состоянии* *грусти* (*печали*, *тревоги*, *страха*...); б) *чувствовать* (*испытывать*) *грусть* (*печаль*, *тревогу*, *страх*...); в) *проявлять* (*выражать*) *грусть* (*печаль*, *тревогу*, *страх*...), тогда как глаголы эмоционального отношения допускают замену лишь двумя последними: «можно, скажем, *испытывать* и *проявлять* уважение, но нельзя *быть в состоянии* уважения, равно как можно *относиться к кому-л. с уважением*, но нельзя *относиться к кому-л. с грустью*» (с. 177).

Глаголы психической деятельности, образующие вполне автономное семантическое поле, многими своими сторонами перекрещиваются и переплетаются с целым рядом других семантических полей. На конкретных примерах автор показывает их тесное семантическое взаимодействие с глаголами поведения, с глаголами речи, с глаголами звучания, с глаголами цветообозначения, с глаголами физического действия и воздействия и др. «Семантические классы слов (большие и малые), — считает Л. М. Васильев, — чаще всего накладываются друг на друга, перекрещиваются и взаимодействуют друг с другом. Замкнутых семантических

классов слов (лексических полей)...., вопреки мнению И. Трира и его единомышленников, очень мало» (с. 183).

В заключение отметим некоторые недочеты рецензируемой книги.

В описательной части исследования конкретные наблюдения и обобщающие выводы автора не сопоставлены с суждениями других ученых. Это объясняется, по-видимому, прежде всего практической неизученностью материала, впервые вводимого в научное обращение, однако полная отстраненность от литературы предмета, принципиальный отказ от анализа определенных значения глаголов в толковых словарях не способствует объективной оценке аргументированности и перспективности предлагаемых решений и доказываемых положений.

Многочисленные примеры, приводимые автором, дают четкое представление о составе и классификации глаголов психической деятельности, но в книге, к сожалению, нет ни алфавитного списка, ни систематизированных указателей анализируемых глагольных лексем. Этот недостаток, компенсируемый отчасти отсылкой автора к его предшествующей публикации (см. с. 5), представляется существенным не только потому, что он осложняет восприятие языкового материала, но и потому, что он может каким-то образом повлиять на использование результатов анализа в работах других исследователей.

Функциональная нагрузка лексических единиц не может, естественно, полностью учитываться в собственно семантическом анализе. Этот аспект является предметом грамматических наблюдений, которые могут дополнить или скорректировать выводы семасиолога. Рассматривая исследование Л. М. Васильева в этом плане, нельзя не обратить внимания, например, на то, что среди возвратных глаголов со значением «представляться» (с. 131—

132) теряется не выделенный особо глагол *казаться* — *показаться*, активность употребления которого не идет ни в какое сравнение со всеми другими глаголами группы, а его безличная форма (*Мне казалось, показалось, что...*) не называется в следующем разделе (с. 132—137), где анализируются единицы со значением «полагать». В составе глаголов желания основная функциональная нагрузка падает на форму *хотеть* и ее безличный вариант *хотеться*. Если учитывать это обстоятельство, то не вполне убедительным представится заключение автора о том, что глаголы желания, в отличие от многих других семантических классов, почти не сочетаются с приставками начинательного значения. Безличная доминантная форма данного класса (*захотелось*) выражает это значение с несомненной грамматической регулярностью.

Отмеченные недочеты имеют частный характер и не затрагивают ни общей концепции, ни основных положений рецензируемой книги. Дальнейшее исследование семантики русского глагола, анализ смысловой структуры имен, изучение закономерностей лексической системы русского языка может дополнить и уточнить наблюдения ученого, но в этих последующих размышлениях не могут не учитываться как обобщающие выводы, так и конкретные результаты рассмотренной работы.

Книга Л. М. Васильева, адресованная специалистам различного профиля и открывающая новое направление лексикологических исследований, дает отчетливое представление об основных идеях современной лингвистической семантики и, безусловно, будет способствовать их дальнейшему развитию.

Чернов В. И.

Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарии Флори Б. Н. Отв. ред. Корольков В. Д. — М.: Наука, 1981. 200 с.

Проблематика древней общеславянской и древнерусской письменности разрабатывается у нас все еще очень мало. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть имена в книге И. Е. Можяевой [1]. В этой книге показан вклад ученых разных стран: мы видим широту исследований и многообразие публикаций ученых Болгарии и менее десятка имен советских исследователей, не по единственной случайной статье оказавшихся в этой библиографии. Поэтому первая реакция на книгу Б. Н. Флори — это глубокая благодарность исследователю, взявшему на себя нелегкий труд подготовки к печати рецензируемой книги.

В книгу вошли три главные произведения, освещающие создание славянской письменности: Житие Константина (ЖК), Житие Мефодия (ЖМ) и Сказание Черноризца Храбра о письменах (СОП) (с. 71—104). В приложениях II и III приведе-

ны Послание (Булла) епископа Адриана и отрывок из Буллы 880 г. папы Иоанна VIII (с. 196—197). Тексты изданы по главным их спискам, находящимся в трех хранилищах СССР (ЖК — ГБЛ, ф. 173, МДА, № 19, XV в.; ЖМ — по Успенскому сборнику, ГИМ, Синод., № 1063, XII—XIII вв., Б. Н. Флори датирует его XII в.; СОП — ГБЛ, ф. 173, МДА, № 145, XV в. и ГПБ, Соловец., № 913, XVII в.), но даны в литературном переводе на современный русский язык, что делает тексты доступными и читателю-неспециалисту. Выделены все исправления текста (курсивом), пояснения переводчика (круглыми скобками) и дополнения по другим спискам (выделены квадратными скобками). Это повышает значимость издаваемых текстов и для специалистов. Каждый издаваемый текст сопровождается разносторонним комментарием, ценность которого трудно преувеличить (с. 105—189). На-